

Ой, люли-люли! Неужели каканец-то книжка про кошечек?! (танцует хороводом с платочками).

Если бы кто-нибудь меня спросил добрым ласковым голосом:

— Зоя, а почему именно кошки? — и вздохнул бы вот так, типа: «Бестолковая, конечно, женщинов, но смешная зато».

То я бы сразу побежала в кладовочку, где храню свою личную машину времени. Неопытный человек может подумать, что это просто старое парикмахерское кресло (сразу на всякий случай предупреждаю, что стоматологические и гинекологические не подойдут! Я пробовала), но! Но если закрыть глаза, досчитать до ста, а потом резко врубить фен, вас может перенести в любой временной отсек, который только захотите.

Главное, волосы не спалить.

Это я заранее отвечаю на вопрос: «Почему у вас все время волосы дыбом стоят и пахнет горелым?» Это минусы путешествий во времени.

Я обожаю мотаться в палеозой или как там называется период, когда по берегу моря были разбросаны красивые гигантские ракушки. Если засунуть в такую ракушку голову примерно по пояс, то слышно, как Мироздание говорит: «Арефьева, ты опять фигнёй занимаешься?»

Тут что важно учесть?

Чтоб в ракушке не было квартиранта, особенно хищного. А то так можно насовсем без башки остаться, а она всё-таки нужна, особенно когда писатель. Да и есть туда приятно. И в носу иногда ковыряться.

Ещё нужно посматривать по сторонам, а то я однажды по пояс в ракушку залезла и стала босиком расхаживать по берегу моря, а потом откуда-то из кустов вылезло стадо гигантских раков-отшельников. И они ещё полчаса гонялись за мной с криками:

— Мадам!

— Какие прекрасные ножки!

— Мы вас любим!

— Выходите за нас замуж за всех по очереди!

— Стойте, мадам, куда же вы?

Никогда в жизни я ещё так быстро не бегала. А ещё же не видно нифига в этой ракушке! Кое-как отбилась и спряталась в пещере. Снимаю ракушку, поднимаю голову, а там на потолке висят гигантские летучие и очень-очень голодные... Впрочем, это уже другая история и к этой книге не имеет отношения.

Так вот. Если бы меня спросили: «Почему кошки?» — я бы быстро слетала в своём парикмахерском кресле в норильское детство, притащила бы оттуда табуретку, залезла бы на неё и радостно начала бы рассказывать:

— Понимаете, в детстве... а было это очень давно, когда над планетой ещё летали птеродактили и кричали веселыми голосами: «Ви а зе чемпионс май френдс!» — у меня была страшная аллергия на кошек. У меня опухали глаза, из носа текли ручьём сопли и всё чесалось. И взрослые сказали мне: «КОШЕК НЕЛЬЗЯ!»

А дело в том, что у меня упёртый характер; когда мне говорят «нельзя!», я сразу начинаю это делать. Я называю это эффектом пружины. Надо, кстати, попробовать это с катанием пресса, что ли, или с приседаниями...

И я продолжала тайком притаскивать домой котят и прятать их под кровать.

Причём меня очень удивляли экстрасенсорные способности мамы, когда она прямо с порога как-то понимала, что в доме запрещённое животное.

— Зоя, где кошка?!

— Нету, — смотрела я на неё честными опухшими глазами и вытирала сопли рукавом. И думала: «Да как она узнаёт-то? У неё что, рентгеновское зрение?»

В итоге пришлось смириться, но желание иметь кошку не проходило. И однажды я увидела объявление: «Продаём гипоаллергенную кошку. Очень активную, черепахового окраса».

Так у меня появилась Рыся, точнее, я у неё. Так вышло, что у Рысяши всегда очень недовольное лицо, и мы с ней сразу начали вести всякие забавные диалоги, где я была за обслуживающий персонал, а она — за важную капризную фифу:

— Ето што, вода? Тьпуй, гадость. Ето што, диван? Он неудобни. Ето што, сосисочка? Давай сюда. Тьпуй, невкусни. А есть ещё?

— Ты так на меня смотришь, что мне начинает казаться, что за мной приедут серые толстые котики и заберут меня на перевоспитание, — говорю я ей.

— Пащиму неть, — моргает мне сразу двумя глазами кошка и хихикает. — Ты всё рамно тутова лишняя и защем.

Каждый раз, когда в пакете с кормом остаётся горсточка сушинок, моя кошка каким-то образом из своего круглого лица умудряется сделать вытянутое изумленное: «Што происходит? Беда, беда. Крушение мира, женщин!»

Знаете, как у Врубеля Царевна-лебедь, вот такое лицо у кошечки получается. Изнутри светящееся экзистенциальным вопросом: «ГДЕ ЖРАТЬ?!»

Я, естественно, успокаиваю животное:

— Ничего не крушение. Мир на месте, там немножко всё попадало, как домино, но в целом терпимо.

— Человеческая женщинов, не ври мне. Апокалипсис, нету кушать!

— Щаз я пойду и куплю.

Тут кошечка проникается ко мне уважением:

— Прямо за дверь пойдёшь? Туда, где машины, мухов и птички? Ты мой герой, женщинов.

И вот я выхожу туда, где машины, мухов и птички, и приношу корм. И даю его кошке. Она ест, и её лицо на глазах теряет врубелевские черты:

— Ты ходила в этот огромный и страшный мир, и это всё, что ты смогла мне оттудова добыть?! Тьху, никчёмни. И уходит.

Торжественно неся перед собой идеальное пушистое презрительное лицо.

Я, Арефьева Зоя Владимировна, ликалепни женщинов 45 лет, рост 178, размер ноги все ещё 41, написала эту книгу в здравом уме и трезвой памяти. Ну почти, почти, хе-хе-хе.

Это не безграмотный язык, это всего лишь весёлая игра, в которую нравится играть взрослым и детям. Это удивительни феномен, плюючи вот так хъпуй слюнями из рота на возраст, пол, образовани и прочие различия между читателями. Снащала, канешна, можыт не понравиться и даже ВОЗМУЩЕНИ!! Но проходит пара минут — и псё. Вы полностью ошаровани етим явлени под названи кошичкин язык.

Признаюсь, я не сама его пердумала, ничво не ново под лунной, ето штота вроде синтеза смешных картинок и комментариев под моими постами. Арефьева не первоотрывашка, как бы ей етава ни хотелось. Арефьева просто взяла, перемешала всё ето и сказала: «Нате!» Етот язык мог бы быть вложен в рот любым персонажам, но в тот

момент я писала про кошишек. Вошим, всё это щастливая случайность и бе-бе-бе.

Никто не призывает разговаривать так в реальной жизни, только если очень-очень захочется.

От этой книжки ваши дети не станут двоичниками и не разучатся говорить нормальни языком.

Напротив, они получают возможность передохнуть (сами поставьте ударение) от школьной нагрузки, перезагрузиться и с новыми силами нырнуть в учёбу и во всю эту жизнь.

И не только дети.

С большой радостью именно взрослые вцепляются в эту книжку, ныряют в этот кошачий мир с головой. Потому что: это безопасное место, где можно забыть, что ты выросла и серьёзные женщины или мужчины. И что завтра тебе с утра опять на работу и ехать в метро, автобусе, или, например, на динозавре, или даже пердодактиле, хе-хе-хе.

(Арефьева просто всегда очень любит именно этот вид передвижения. Примеч. от ред.)

Почему эта книжка так нравится и взрослым, и детям, и дедушкам, и бабушкам?

Ответ простой. Помните, у Курта Воннегута были тральфамандорцы? Такие существа в виде пространственно-временного червя? Вот я считаю, что люди на них очень похожи. Мы с вами такой Уроборос, в нас есть и прошлое, и настоящее, и будущее, и мы у себя в голове передвигаемся по этому Уроборосу, как гирька-измеритель на старых весах. Скачем в мыслях от детства к старости, от десяти лет к сорока и обратно. Изменяемся мы только внешне, а внутри нам столько лет, куда мы в этот момент мыслями прыгнули.

Я так часто прыгаю в детский период, что даже написала себе письмо «Ты в порядке!»:

«Когда страшно, когда устала, когда мечта кажется блестящей монеткой, укатившейся в щель, я оборачиваюсь и смотрю на себя в прошлом.

На неуклюжую очкастую девочку, которая лежит на самой вершине снежной горки, грызёт сосульку и смотрит на северное сияние в Норильске.

Под горкой вечная мерзлота, вокруг тундра, там белые медведи и карликовые берёзки и сверху Полярная звезда — мой суровый одноглазый ангел-хранитель.

Ради той девочки я делаю шаг вперёд. И ещё один. Её нельзя подвести.

Я смотрю на себя в прошлом и посылаю сигнал:

„Ты в порядке. Иди по моим следам“.

Сигнал в прошлое проходит с трудом, кое-как просачиваясь сквозь мельчайшие дырочки пространства, и падает почти невидимыми снежинками на ресницы девочки. Она щурится, снежинки тают, и сквозь капельки девочка на мгновение видит яркий странный калейдоскоп. А потом бежит домой, смотреть по огромному телеку мультики.

Туда, на третий этаж дома, которого больше нет.

А потом я смотрю в будущее и ловлю сигнал:

„Ты в порядке. Иди по моим следам“.

Там седая женщина машет мне рукой.

Левой рукой я держу за руку ребёнка, правой — старуху. Я вожу хороводы с прошлым и будущим.

Я сама себе Уроборос.

Моё будущее улыбается, а прошлое грызёт сосульку».

Пусть и вы, мои любимые читатели, будете в порядке, пусть весь ваш пространственно-временной червь будет таким. Слово-подкова, нет иного.

Вощим, давайте постаремся, все наши тревоги унесли единороги, ладно?

Што же вас ждет в етой книжке? А вот што.

В этой книжке вас ждет версия «КОШИЩКИ. НАЩА-ЛО», как всё заверте...

В продолжени обязательно напишу про ваших любимых персонажей: Рагнарёка (того самого из розетки), Улитощку — хранителя хрекеров, хихиатра Кукушкина, но сейчас в ваших руках «с чиго всё нащалось». Пряма ваче-ваче самое начало, самая первая кошичкина молекула.

Будет интересне, я вам клянусь. Аптор сам ржал истерщески, пока писал ету книщку. Соседи даже бились бацкой в стенку, чтоб я перестала, но потом поняли, что лучше присоединиться, чем найти способ перкратить ето бесконещни: «Хе-хе-хе-хе».

Теперь ваша очередь. Я бы на вашем месте сходила пописила перед чтением и вообще не пила гамнога жидкостей в процессе. Ну или наденьте резинови трусики, штоб, значит, сухо в процессе.

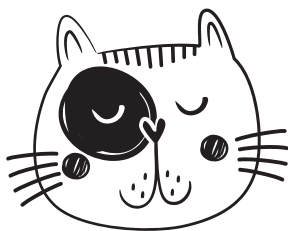
Предупреждаю, возможно, я напишу ещё несколько версий про кошачкин тилипон, а может, и нет. Как пойдёт. Просто в моей голове всегда одновременно разворачивается несколько версий, и все они мне нравятся.

Эта версия начинается так. Она написана очень сложным, почти научным языком, но вы всё равно поймёте, потому что у меня самые умные читатели в космоси. Готовы? Вы точно готовы? Кивните мне, если да.

Иииииии мы поехали!

Итак, как всё завертелось? А вот так.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой аптор наконец пытается перейти к основному повествованию. Хотя у неё всё равно ничего не выйдет, потому что аптора всё время уносит ветром фантазий. Наверное, нужно в кармашек что-то тяжёлое положить. Например, монетку.

Но сначала заглянем в Кошичкину циклопеди.

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ИЗ КОШИЧКИНОЙ ЦИКЛОПЕДИ

(Кошичкина циклопеди — это такая толстая-претолстая книжка, в которую мудри животных записуют всё-всё-всё на свете. Может, там даже и про вас есть пару строчек, хоть вы и бестолочь, хе-хе-хе. Если такой книжкой дать по башке, то в глазов резко выключается свет, становится темно и уютно, но лудце не нада.)

Так, теперь слюнявьте палец и листайте. Нам нужно найти главу с буквой «М». Там, где написано про мамашку, молоко, мурлыканье и мявканье. Нашли? Теперь ищем пра молекулов. Это важни.

ПРА МОЛЕКУЛОВ

Из Кошкиной циклопеди:

«Молекулов — это такие малыньки-премаленьки крюжочки, квадратики, треугольнички, а также другие всяки-разни геометрически штуцки, из которых состоит наша Псиленная и ваще мы с вами. Воцим, Псиленная она как лего. Именно поетаму нада обращаться с собой очень-очень бережно и стараться не делать падени на пол! Во-пердых, иначе можно рассыпаться и потом придётся так лежать и арать, пока вас не соберут абратна.

Во-втордых, на ваши дурацки детальки может наступить другая кошицка и сделать себе синяк на лапке.

В-третьих, бывали случаи, когда упавших кошечек собирали немножка неправильно, и они потом

*так и ходили с ушами на жёппи. А зощем уши
на жёппи, када они там сопсем не нада, да?*

Жили-были молекулов. Были они такие маленькие-премаленькие, и было их очень много. Стока много, что у них даже не было имен. Встретятся, бывало, две молекулов на улице, сразу посмотрят друг на друга скептическими взглядами и подумают:

— Что за фигулька тут шастает? — думает первая молекула.

— Сама ты фигулька, — думает в ответ вторая молекула.

Тут главное спинами не поворачиваться, а то кто-то не выдержит и плюнет. Просто молекула очень эмоциональные существа и иногда прям с ног до головы друг друга заплёвывают. И это ещё до начала диалога.

Потом смолток начинается. Смолток — это не смоляной ток, как вы подумали, это «маленький разговорщик», так переводится с языка бикуклей и кукамберов.

— Драсти, молекула! — говорит одна из них.

— Забор покрасти! — очень вежливо отвечает ей другая.

— Хамка!

— Сама хамка!

Слово за слово начинается милый молекулярный массаж лица, иными словами мордобою. Ну, они вообще живчики и экстраверты эти молекулы, им палец в рот не кладут.

Самая первая в мире кошечкина молекулов была хорошеньки-прехорошеньки. Такая, знаиш, с ушками, фостиком и лапками. Сейчас она нам с вами расскажет про рупу эволюций.

СУПЬ ЕВОЛЮЦИЕВ

Главным-гамно, када кошички ещё не вышли с миравого акиани, вокруг ничиво не было, только молекулов везде плавали и тритоны всякие. Вот так — бульк-бульк. Розови такие молекулов, и зелёны, и сини, и в крапинку, и в поло-сошку. Были ещё чёрни молекулов, тока все их дразнили:

— Вы што, сдохлые?

— Мы не сдохлые! Мы крутые! Черни цвет самый сексуальни!

— А чо такие вонючи?

— Мы не вонючи!!!!

на по башке, на

И ходили такие в чёрни куртки кожани и на мотосикле дрын-дрын делали.

И были ети все молекулов ничьи. Каждый мог нагреб-сти себе скока нада и лепить себе ношки, рючки и хобот.

Мировой бульён ето называлось. Супь еволюци.

Ну и кошички там, значить, плавали, плавали, как хрюка-дельки. Тока они были ещё не кошички, но уже как кошички. Пушисти, хаёшеньки, в купальных щяпоцках и ладах. Не-которые даже в трусиках, хотя ето было и не облизательно.

Всё молекулов по часовой стрелке в супи плывут, вот так: бульк-бульк-бульк, а кошички-молекулов тыгыдык против часовой делают. Вот так: кьлуб-кьлуб-кьлуб.

Всё молекулов спать легли, а кошички-молекулов песни арут и в молекулярном лотошке шкряб-шкряб делают.

Все молекулов утром просыпаются, а кругом срач, драмы обои валяются и на ковре кто-то буэ сделал.

Вошим, возмутились всё в мировом акеани и велели молекулов-кошичкам валить.

— А куда? — утощили направление будущие кошички.

— Да хоть куда! Вон на шушу валите.

— Смысли на шушу?! Мы ещё плавники не отрастили, а там ношки нада!

— Это ваши проблемов.

Вошим, плюнули будущие кошички, быстро евалюционировали, отбросили нафиг чехую и жабры и вышли нафиг на шушу.

Так там всё и зародилось. Уже к вечеру на шуше появились динозавры, кафе и интернет. А теперь, кто в акиани остался, от зависти опухли.

Пака.

Из Кошичкиной циклопеди:

«Динозавер — это древни животных, страшно-пестрашно, но милый. Это называется харизма, бери с него пример.

У одних динозавров длинна шея, у других не очень. Были ещё динозаверы с маленьки лапками, и они даже не могли в носу поковыряться, представляешь? Вот ты не ценишь свою бжизнь, а здря. Скока у тебя плюсков в огранизме! Возьми и прямо щаз поковырайся пальцем в носе. Прявда жы, здорова?

*Динозаверы раньше были, а чичас нету, потово-
што они стали все сдохлые. А пачиму? Потово-
што раньше не было интернета и было скушна.
Видишь, у тебя всё есть, а ты не ценишь, дюряк
такой!»*

КАК ЗАВЕЛИСЬ НИКЧЁМНИ

Главным-гавно, когда кошички вышли на шушу с миравова океани, чёта стало у кошичек всё чесаться.

И тута чешется, и тама чешется, просто спасу нет.

Стали кошички об пальму чесаться. Пальма — ето такое дерево, на котором облезьяны растут. По версии никчёмни Дарвина, облезьяны — ето заготовки будущих никчёмни, но ето не тощно.

Чесались, чесались кошички, не помогает.

Стали кошички духами-декакалонами пшикаться, не помогает!

Даже хуже стало. Гамнолиями воняют и чешется. Да что ты будешь делать!

Самая главни кошичка, которая проКОТерь всего ссу-щева, тогда говорит:

— Ну псё. Придётся меха сжечь нафиг! Другова выхода я не вижу, товарищи кошички.

— Не-не-не, мы шубы жечь не согласные! — стали арать кошички. — Куда ето годится, шубы жечь!

Но некоторые не выдержали чесотки и сожгли. Так появились свинксы. Свинксы — ето лысы кошички, которые на сосищоски с лапками похожи.

